

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

ЛАНОВОЙ ПРИДЕЛАЛ СЕРАФИМУ
ЛИШНЕЕ КРЫЛО

ФОТО ВАЛЕРИЯ ПЛОТНИКОВА

Почетный Кавалер «ВК» Святослав Бэлза побывал в нашей редакции. Родившийся в рафинированно-интеллигентной семье, он продолжает просветительские традиции своего знаменитого отца, Игоря Федоровича Бэлзы, происходившего из древнего польского рода, у которого есть даже свой многовековой герб. Разговоры со Святославом Игоревичем бесконечны. Вглубь и вширь, о музыке и о литературе, серьезные и смешные.

— Мама вас звала Светиком. Это была мода, потому что так звали Рихтера?

— Назвать меня Святославом папа придумал. Меня и крестили Святославом. В Елоховском соборе. Крестным отцом был композитор Гавриил Николаевич Попов, известный широкой публике музыкой к «Чапаеву». Я горжусь своим именем. И верю в то, о чем писали Флоренский и Лосев: имена влияют на судьбу. Все Святославы, которые встречались мне на пути, были люди значительные — от Рихтера до Федорова. А Светиком меня дома звали всегда. Все Вячеславы, Станиславы и так далее становились Славами. А я был Светик. Может, еще потому, что в войну родился и был для своих родителей как лучик света.

— Нет ни одного вашего интервью, где бы вас не спрашивали о бабочке. А как сама идея пришла в голову?

— Папа всегда носил бабочку, даже в советское время, что могло казаться вызовом обществу. Однажды Дима Крылов попросил меня принести детские фотографии. Есть снимки, где я в год с бантом. И есть фото знаменитого Наппельбаума: мне десять лет, и я уже в бабочке.

— Все-таки, наверное, и воспитание, и образование в семье были у вас особые.

— Может быть, дом дал мне даже больше, чем университет. Впервые услышав имя Гумилева, я пришел и гордо спросил папу, знает ли он такого поэта. Папа снисходительно улыбнулся, нырнул в книжный шкаф и из глубин третьего ряда достал все прижизненные сборники Гумилева. Потом я узнал, что папа сочинил похоронный марш памяти Гумилева, который даже был издан за рубежом. В студенческие годы он познакомил меня с Ахматовой.

— А потом вы еще виделись с Ахматовой?

— Последний раз я видел ее в Большом театре в 1965 году, когда отмечался юбилей Данте — папа же возглавлял Дантовскую комиссию Академии наук. Ахматова выступила на этом вечере с

речью, в которой буквально выкрикнула в зал имя все еще опального тогда Гумилева — как одного из тех русских поэтов, кто вслед за Пушкиным испытал на себе воздействие Данте. Потом мы зашли за кулисы — я привалялся для автографа незадолго перед тем изданный «Худлитом» ее сборник из серии «Библиотека советской поэзии», такой квадратный, в зеленоватом переплете. И Ахматова сказала: «Я не люблю эту книжку: она похожа на лягушку». Я попросил ее написать что-нибудь на память. Она

бережно храню том ее «Воспоминаний» с надписью: «Святославу Игоревичу Бэлзе на добрую память о семье Цветаевых, жившей в очень старой России... Анастасия Цветаева на 97 году. 12. X. 90». Скончалась она на пороге своего 99-летия. Дорожку дарственными надписями Ахмадулиной, Вознесенского, Евтушенко, Битова, Искандера, Айтматова, Войновича, Мамлеева, Юрского, Гафта, Магомаева, Сенкевича...

— Ну, черное, они тоже не просто — взяли автограф на память...

РЕПУТАЦИЯ
ЗАРАБАТЫВАЕТСЯ ГОДАМИ,
А ТЕРЯЕТСЯ В ОДНОЧАСЬЕ

ответила: «Вы видите, как я разволновалась — у меня дрожат руки. Я, как всегда, остановилась у Ардовых — позвоните и приходите туда завтра». Завтра я из деликатности не позвонил, а потом выяснилось, что она попала в больницу.

— Наверное, у вас целая коллекция автографов.

— Весьма обширная.

— Какой самый редкий?

— Автограф Тютчева. Два — Блока. Их подарил мне папин друг, известный толстовед Владимир Александрович Жданов. Есть книги с автографами Сологуба, Ходасевича.

— А какие самые дорогие из тех, что получили вы лично?

— Помимо моих здравствующих знаменитых друзей, у меня есть автографы многих тех, кого уже нет в живых и кто составил нашу славу. Шкловского, Андроникова, Лихачева, Антокольского, Федина, Тихонова, Смирнова-Солонского, Чуковского, Каверина, Окуджавы, Рождественского, Винокурова, Льва Николаевича Гумилева — я с ним много общался, как и с Анастасией Ивановной Цветаевой. Она уже трогательно кокетничала своим возрастом. Я

— Нет, я вниманием не обойден. Вознесенский в одной из поэм зарифмовал «Бэлза» и «бездна». Евтушенко посвятил мне целое четверостишие: «Я рифмами обелся и давит груз грехов, но Святославу Бэлзе вручаю груз стихов!» А Битов, который тоже иногда балуется стихами, написал так: «Дорогой мой Слава Бэлза — Жить не можно, но и не Бэлза. Для объятий бытия Надо жить, чего нельзя».

— А состоите ли вы на службе?

— Со времени окончания МГУ, то есть уже больше 35 лет я служу беспорочно в Институте мировой литературы. Долгое время был там даже ученым секретарем отдела зарубежных литературы.

— Что там меняется в обязанности?

— Статьи писать. У старшего научного сотрудника норма 6-7 авторских листов в год.

— Давайте объясним читателям, что один авторский лист — это 25 страниц на машинке... Вы обижаетесь, если вас называют Станиславом или пишут Бэлза вместо Бэлза?

— Фамилию еще папины друзья шутили расшифровывали

Святослав БЭЛЗА:
МАМА
ПРИЗЫВАЛА
МЕНЯ ПОМЕНЬШЕ
МЕЛЬКАТЬ

так: Большая Энциклопедия Лишних Знаний Автора. Фамилия происходит от названия города Белз, столицы Белзского княжества. Смотри 4-й том Брокгауза и Ефрона. Это теперь на территории Украины, недалеко от Львова. Папа учился в варшавской гимназии, но во время Первой мировой войны семья двинулась на восток, на Украину. Там фамилия писалась еще через «е». Но потом, именно для того, чтобы ее не произносили как Белза или, еще хуже того, Бельза, он стал писать ее через «э» оборотное.

— Поляки вас признают за своего?

— Да я стал заслуженным деятелем польской культуры раньше, чем заслуженным деятелем искусств России. За то, что «определил» множество польских авторов, выходявших на русском языке — от Тетмайера и Парандовского до Ивашкевича, Мрожека и Лема.

— А по-польски-то свободно говорите?

— Даже вел концерты. С папой, конечно, не могу сравниться.

— У вас в Польше есть родственники?

— Наверное. Я только знаю, что один из предков похоронен во Львове. Это знаменитый Владислав Бэлза. Его стихотворение «Катехизис польского ребенка» входит в польский букварь. У меня где-то есть фотография: я стою в профиль на фоне его бронзового медальона на гранитном обелиске. Говорят, похож.

— Вы готовитесь к своим выступлениям?

— Конечно, у меня много работ, но к каждому выступлению надо готовиться отдельно. Потому что репутация зарабатывается годами, а теряется в одночасье. При том темпе вечной погони, в котором я живу, нельзя снижать требовательность к себе. Это тоже одна из семейных заповедей. Да, я вел концерты в Варшавском Большом театре. Но бывали испытания и положее. Например, доводилось вести концерты по-английски в Карнеги-холле, в частности, концерт к 200-летию юбилею Пушкина. Или концерт в Кенсингтонском дворце в Лондоне, посвященный 300-летию пребывания Петра Великого в Англии...

— Кстати, там я последний раз встретился с сэром Иегуди Менухиным, и, помню, все пили шампанское, а мы потребовали «Смирновской», поскольку стояла мерзкая погода.

— Запомнились ли вам какие-нибудь курьезы на сцене?

— На сцене даже с самым профессиональным человеком могут происходить удивительные вещи. Мой друг Василий Лановой, который великолепно читает Пушкина, признался, что однажды, исполняя «Пророка», от волнения пафосно продекламировал: «И семикрылый серафим...» И тут же сам поразился: как это у

просили прочитать бунинские стихи дважды Героя Советского Союза генерала Алексея Архиповича Ланова. И отважный генерал со вздохом мне честно признался, что выходить в открытый космос все-таки легче.

— А у вас у самого бывали страшные минуты, когда все холодело внутри?

— Однажды мне доверили вести прямую трансляцию «Трубадура» из Метрополитен-опера с участием Лучано Паваротти. Американцы все детально проработали, рассчитали по секундам, прислали специальные ролики для заполнения пауз. И вот я уже работаю в прямом эфире — а в ухе у меня вдруг раздается голос режиссера: «Держись еще минуты полторы — у нас задержка на линии!» Хорошо, что я все-таки тщательно подготовился, и у меня в запасе были истории, связанные с «Трубадуром»...

— Еще страшнее оказался эпизод, когда шла прямая трансляция торжественного открытия десятилетия, юбилейного конкурса имени Чайковского. Я произнес свои вступительные слова, после чего должны были пустить в эфир заранее заготовленный ролик с напоминанием звездных моментов предыдущих конкурсов. Я уже отошел от камеры и, естественно, направился в буфет — как вдруг меня догоняет ассистентка режиссера с выпученными глазами: картинка идет — Клайберн в рапиде, то есть замедленно, возлагает цветы к памятнику Чайковского, а текста никакого нет! Ну, я что-то там наплел...

— В роли Фигаро, то есть человека, который должен поспеть везде, тоже, наверное, довелось пережить интересные сюжеты.

— Однажды я был на Сардинии — на симпозиуме по своей основной, литературной профессии. А в то время в необычайную моду вошли телемосты. «Останкино» договорилось о телемосте с Варшавой, и мне в Сассари звонит редактор: завтра срочно надо вылетать в Москву. Причем если вылететь в Рим самым ранним самолетом, то все равно у меня осталось меньше получаса, чтобы перебраться в другой аэропорт, откуда вылетал самолет в Москву. Но так как время было еще советское, мне спокойно сказали: задержим самолет «Аэрофлота». Мало того, что его задержали — ему из-за нарушения графика еще и разрешения на взлет никак не давали. Можете себе представить, как ненавидели меня все пассажиры! Прилетели в Москву — и я сразу увидел своего редактора между двух полковников-пограничников. Они тут же ринулись ко мне, схватили паспорт, мигом поставили нужную печать. Я было заикнулся о чемодане. «Какой чемодан! — гневно сказали мне. — Быстро в машину!» Погрузили в «чайку», великолепно предоставленную тогдашним председателем Гостелерадио. В машине уже был мой костюм, свежая рубашка и даже бабочка, выданные редактору мамой. И сидела гримерша. Я был загорелый и обросший как Анджела Дэвис. Гримерша быстро остригла все лишнее, попрыгала мне шевелюру лаком... Редактор время от времени по радиотелефону докладывал в «Останкино», что мы приближаемся. Телемост меж тем стоял: поляки поставили условием мое участие. Когда я ворвался в студию — впервые в жизни у меня немного прихватило сердце. А я еще часа три вел телемост с Варшавой, в котором участвовали музыканты с обеих сторон, причем то по-русски, то по-польски.

— И все-таки вы хоть когда-нибудь расслаблялись?

— Ну вот, например, у нас с друзьями однажды после гастролей сложилась традиция: ежемесячно собираться то у скрипача Максима Федотова, то у сакофониста Георгия Гараняна. В эти добротпорядочные семьи приглашаются два холостяка: молодой Лев нашей пианистической школы Денис Машуев и я. У всех своя специализация. Гаранян великолепно готовит борщ и долму. Его жена Нелли — крупнейший специалист по лову. Наши неторопливые разговоры обо всем, эта роскошь дружеского общения — я думаю, это именно то, что вы имеете в виду.

— И все-таки вы хоть когда-нибудь расслаблялись?

— Ну вот, например, у нас с друзьями однажды после гастролей сложилась традиция: ежемесячно собираться то у скрипача Максима Федотова, то у сакофониста Георгия Гараняна. В эти добротпорядочные семьи приглашаются два холостяка: молодой Лев нашей пианистической школы Денис Машуев и я. У всех своя специализация. Гаранян великолепно готовит борщ и долму. Его жена Нелли — крупнейший специалист по лову. Наши неторопливые разговоры обо всем, эта роскошь дружеского общения — я думаю, это именно то, что вы имеете в виду.

— Вы успеваете что-нибудь читать?

— Вообще-то я потомственный библиофил. Мама всегда шутила: «В этом доме живут книги, а люди только ютятся среди них». Еще со школы регулярно хожу по магазинам. Сознательно, что и в Союз писателей в свое время вступал во многом ради того, чтобы пользоваться заветным вторым этажом в Лавке писателей.

— В какие книжные магазины вы ходите?

— Я люблю маленькие магазинчики. «Летний сад» на Большой Никитской, лавку при Литинституте, «Гилею». Хороший магазин был в Казачьем переулке — там можно было купить не только ширпотреб, но и изысканные малотиражные издания, не только московские.

— Бывает что-нибудь интересное немосковское?

— Восхищаюсь томским «Водолеем», при том, что весь штат этого издательства состоит из одного энтузиаста! Порадовался выходу фундаментального тома Булата Окуджавы в «Библиотеке поэта», равно как и тому, что на его могиле на Ваганькове наконец появился памятник. С большим удовольствием штудирую только что выпущенный том графа Василия Комаровского. Кстати, в папиной библиотеке хранится единственная прижизненная книжка этого поэта. А мне интересно все, что связано с Серебряным веком. Вышел очень симпатичный томик Беллы Ахмадулиной в серии «Проза поэта», где, помимо уже известных мне вещей, опубликовано новое «Нечаяние». Я еще с 60-х годов восхищаюсь Беллой Ахатовной, которая представляется мне изысканным приветом нам из другого, более совершенного мира. Получил в подарок роскошное битовское «Вычитание зайца». В общем, у Олеси — ни дня без строчки, у меня — ни дня без чтения, это уже просто привычка.

— Святослав Игоревич, а у вас хватает самоиронии взглянуть на свою вездесущность?

— Еще мама призвала меня поменьше мелькать. Но... так уж получается, что телевизионная известность влетает за собой массу приглашений. На что-то соглашаешься ради заработка. На что-то из дружеских побуждений. Где-то ты нужен, чтобы помочь привлечь внимание к молодым артистам. А в итоге — понимаешь, как нелегко приходилось Фигаро. Например, я входил в жюри «Золотой маски», а параллельно мне нужно было вести концерты фестиваля «Кремль музыкальный», который проводится по инициативе моего прославленного друга Николая Петрова.

— Я открывал концерты — поскольку не мог подвести друга — и тут же мчался в театры, поскольку нельзя все-таки голосовать не имея.

— Так, может, как-то ограничить себя?

— Вы думаете, от этого есть силы отказаться? Вот я веду в Париже русский музыкальный салон, организованный постпредом ЮНЕСКО Евгением Сидоровым. Приходится той работой, в том числе и представителями русской диаспоры. Последний раз мне довелось брать интервью у художника Олега Целкова. Ну, я и напросился к нему в гости. Мы сняли роскошную беседу. И тут, по неисправимой привычке, я подошел к книжным полкам, чтобы составить себе представление о его круге чтения. И вдруг вижу на одной из полок томик с надписью на корешке: «Надежда Мандельштам. Книга третья». Я, конечно, хорошо знал две предыдущие. Встречался в свое время с Надеждой Яковлевной. Помню даже тот незабываемый вечер памяти Мандельштама в университете, когда на встречу со студентами пришли и она, и Эренбург, и Шаламов, и Николай Чуковский. А папа встречался с самим Мандельштамом еще в 20-е годы в Киеве, писал музыку на его стихи... Выяснилось, что «Книга третья» составлена после смерти Надежды Яковлевны — из фрагментов, которые она сама не успела оформить в единое целое. Целков, заметив мою библиофильскую алчность, великолепно мне ее подарил.

— И все-таки вы хоть когда-нибудь расслаблялись?

— Ну вот, например, у нас с друзьями однажды после гастролей сложилась традиция: ежемесячно собираться то у скрипача Максима Федотова, то у сакофониста Георгия Гараняна. В эти добротпорядочные семьи приглашаются два холостяка: молодой Лев нашей пианистической школы Денис Машуев и я. У всех своя специализация. Гаранян великолепно готовит борщ и долму. Его жена Нелли — крупнейший специалист по лову. Наши неторопливые разговоры обо всем, эта роскошь дружеского общения — я думаю, это именно то, что вы имеете в виду.

— И все-таки вы хоть когда-нибудь расслаблялись?

— Ну вот, например, у нас с друзьями однажды после гастролей сложилась традиция: ежемесячно собираться то у скрипача Максима Федотова, то у сакофониста Георгия Гараняна. В эти добротпорядочные семьи приглашаются два холостяка: молодой Лев нашей пианистической школы Денис Машуев и я. У всех своя специализация. Гаранян великолепно готовит борщ и долму. Его жена Нелли — крупнейший специалист по лову. Наши неторопливые разговоры обо всем, эта роскошь дружеского общения — я думаю, это именно то, что вы имеете в виду.

Встречалась
Наталья ЗИМЯНИНА